

18+

СТАНИСЛАВ РУБЛЁВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Станислав Рублёв

История одного человека

«Издательские решения»

Рублёв С.

История одного человека / С. Рублёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553252-7

— Стас, на самом деле твой папа тебе не родной. Он твой отчим. А настоящий отец — богатейший человек Кавказа. Так мог бы начаться сериал на «Первом» или фильм с выдуманным сюжетом. Если бы все это не было реальной историей, рассказанной автором книги — Такого не может быть! — повторите. Вы не раз, переходя от главы к главе, от истории к истории. Однако хотите этого или нет, все события реальны! Эта книга заставит Вас вскочить с дивана и бежать творить свою жизнь! Не верите? Просто начните читать! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-553252-7

© Рублёв С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

История одного человека

Станислав Рублёв

Редактор Дана Хасанова

Ассистент Виргиния Седова

Фотограф Захар Богомолов

Дизайнер обложки Александр Федорченко

Звукорежиссер Илья Лебединец

Маркетолог Дмитрий Зыков

© Станислав Рублёв, 2022

© Александр Федорченко, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0055-3252-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В мире семь миллиардов людей, и у каждого своя история. Возможно, то, что ты прочитаешь в этой книге, не будет кардинально отличаться от миллиона других. Но в ней, определенно, есть инструкция по применению, которая станет полезна многим.

Когда в один период времени в разных заведениях и на улице ко мне стали подходить, чтобы сфотографироваться и передать респект, со словами: «Дружище, когда-то ты вдохновил меня на открытие бизнеса, масштабирование, просто придал сил в сложный момент». Тогда я начал все больше осознавать, что весь мой опыт, которым делился просто так, оказался нужным людям. Тем, кто так или иначе наблюдал за моим путем становления.

История, которую расскажу тебе, я проговаривал множество раз: друзьям в узком кругу, на закрытых мероприятиях, где сотни участников, на Ютуб-канале. И каждый раз в конце слышал: «Тебе пора уже книгу написать!».

Все это давно пережито, местами интересно, где-то поучительно. Большие падения, глубокие выводы приобретенные технологии, которые позволили мне быть там, где я сейчас.

Сегодня я нахожусь в том месте, которое называю серединой пути, некая точка *В*. Когда ты уже знаешь, что такое бизнес, огромная команда и большие деньги. Когда ты испытал предательство, невероятные взлеты и большие падения. Когда почувствовал на себе поддержку семьи, друзей, близких и даже незнакомых тебе людей.

Эта книга не про маркетинг или продажи, не про командообразование, целеполагание и прочее. Это просто книга одного человека, который однажды решил написать ее, поняв, что может быть вкладом. И, возможно, читая сейчас эти строки, ты думаешь, что ничего и никто больше не может тебя усилить или просто что-то подсказать. Но, уверен, узнав хотя бы одну из десятка моих историй, ты обретишь те самые силы, чтобы встать, встряхнуться и пойти дальше. Я предлагаю остаться нам наедине и погрузиться. Давай вместе посмеемся, чему-то ужаснемся, поплачем и испытаем весь спектр эмоций, это я тебе обещаю. Даже, если ты взрослый мужик или девушка, на чьих хрупких плечах многое, мы вытащим максимум пользы и вдохновения из этих страниц.

Эта книга для каждого, кто был, есть и будет в моей жизни. Даже, если мы друг друга не знаем лично.

Но в первую очередь она для моих детей, которые уже есть и которые еще появятся, для их детей и детей их детей. Посвящаю эту историю вам, мои любимые Миленка, Кира, Лев, и всем, кто еще будет. Перечитывайте ее, рассказывайте друзьям, вспоминайте в трудные времена и передавайте дальше по ветке нашего огромного рода. Это мое главное наставление.

Люблю вас! Люблю каждого!

Глава 1

НАЧАЛО

Меня зовут Рублев Станислав. Алексеевич – это важно. Позже расскажу почему. Мне 30 лет. Прекрасная жена Яна, с которой мы уже восемь лет вместе. У нас две дочки: Кира 2 года и Милена 4 года, и на подходе сын Лев Станиславович. Мама, теща, два отца, 4 брата и 4 сестры, а также достаточно большое окружение друзей из бизнес-среды и не только – в общем, банда в сборе.

У меня международная компания Fort Family, которая построена на личном пятнадцатилетнем опыте в развлекательном бизнесе. За последние пять лет мы открыли 200 филиалов. Приобрели больше двухсот партнеров, полторы тысячи сотрудников по всей стране и стали самой крупной франчайзинговой сетью шоу квестов в России. Своё производство, маркетинговое агентство и более двух миллионов клиентов, которые воспользовались нашими услугами.

На территории РФ я являюсь владельцем нескольких крупных и известных многим брендов – «Форт Боярд» (та самая передача по ТВ), «Зов джунглей» (передача Первого канала), «Джуманджи», «Золотая Лихорадка», «Килиманджаро» и многих других.

Также я резидент и Сенатор сообщества предпринимателей, которое возглавляет мой друг Дима Портнягин. В Клубе я практически с момента его зарождения. На моих глазах происходило становление огромной империи под названием Club 500, которая сегодня продолжает развиваться уже по всему миру.

Буквально недавно я основал еще одну компанию Easy Dom. Мы строим удивительные дома в стилях фахверк и баухаус. Прямо сейчас на трассе М4 возле Краснодара идет возведение целой выставки таких домов с расчётом на трафик в районе 100 000 машин в день.

Живу в Москве. До этого – в Краснодаре. А до этого – в Красноярске. А еще до этого – на Алтае. На момент издания этой книги список с лёгкостью может стать больше.

Камень-на-Оби стал тем местом в моей истории, с чего все началось, там я и родился в 1990 году. Небольшой город на северо-западе Алтайского края с населением в 40 тысяч человек. Там до сих пор живет моя бабуля, мамина мама.

На Алтае мы жили с бабушкой, мамой, папой и младшим братом Пашкой. Братишка родился в том же городе. Помню, мы с отцом стояли возле роддома и ждали, когда мама выглянет в окошко. Папа тогда, по моей просьбе, купил мне мармелад в форме сигаретки. И я делал вид, что курю. Мама, увидев эту картину, крикнула:

– Лёша, что ты делаешь?! Он же совсем ребёнок! – Ох и ржали мы тогда с батей.

Это была по-настоящему счастливая семья, в которой находилось место и юмору, и любви, и уважению.

На Алтае у меня было крутое детство на улице по колени в грязи, все, как у обычных детей. Возле дома росло большое дерево, на которое мы с пацанами каждый день лазали. Была собака колли, и Настя, с которой мы рвали ранетки. А еще две близняшки, которые сильно в меня влюбились, и в знак любви решили накормить салатом. После него у меня два дня была страшная диарея.

Неподалеку от того дерева ютилась компания бомжей-алкоголиков, в общем, классные ребята. И вот тогда произошла самая первая поучительная история. Я украл у бабушки из шкафа 500 рублей, на тот момент это были большие деньги. На них купил много кин-

дер-сюрпризов и раздал все алкашам. Я был счастлив. Бомжи, думаю, чуть меньше, так как предпочли бы шоколадкам боярышник. Мама с бабушкой – в шоке.

Ох, помню, мама хорошо тогда меня палкой отхлестала, чтоб я больше никогда бомжей не кормил. Тогда в первый раз понял, что помогать нужно тем, кто попросит. И, желательно, на свои заработанные деньги. Хотя, этот урок меня по сей день ничему не научил. Я продолжаю жить с пониманием того, что надо спасать всех людей вокруг и даже лягушек с болота возле стройки одного из моих объектов. Эмотивность, мать ее.

Когда мне исполнилось восемь лет, родители приняли решение переезжать. Насколько мне известно, у отца была идея фикс: перебраться к его маме в Красноярский край. С него уже начинается история моего путешествия.

Вспоминая сегодня, как мы жили на Алтае, в моей голове есть безумно теплая картинка: вечерние посиделки в нашей квартире под тусклую лампу, красивая мама, а также толпы людей, которые почему-то так и жаждали поговорить с ней и задать вопрос. Это я потом понял, что она обладала способностями видеть больше, чем другие. Но об этом мало кто знает из сегодняшнего нашего окружения.

На момент своего взросления я сам часто видел то, что не принято обсуждать открыто, иначе о тебе подумают «псих» и покрутят пальцем у виска. Однако по-прежнему считаю, что любому ребёнку и некоторым взрослым доступно знать в разы больше. Помню день, когда я впервые увидел необъяснимое. Такое не забывается. С тех пор я сознательно притупил в себе этот дар, ну или проклятье, кто его знает?! Но для себя навсегда понял, что мир гораздо интереснее, чем нам кажется.

Так вот. Мы продали свой уютный домик, где у меня была отдельная комната. И почему-то запомнился очень красивый огород с цветами. Сели в машину и прямиком с Алтая отправились в Красноярский край, село Никольское.

По приезду к другой бабушке моя жизнь наполнилась большим количеством новых ярких и шокирующих картинок. Хотя, наверное, для ребенка из одной деревни, где особо не было животных, оказаться в месте, где они есть, это было нормально.

Меня, например, поражала не сама свинья, а то, почему ее отрубленную голову закинули на крышу. Я не был ошарашен конем, увиденным вблизи, а скорее тем, как человек кулаком бьет его по морде. Я не удивлялся курице! Но картина, как ее тело с ножками истекает кровью и бегаёт по двору, вызывала оцепенение.

Жизнь в настоящем селе закаляла, что надо. В воспоминаниях осталось много интересных моментов. Но главное, это было всё то же счастливое детство. Помню мой первый сенокос, на который добирались на лошади с повозкой. Тогда это заменяло нам транспорт. Так мы и в магазин, и в пригород гоняли. Чисто конь и телега!

Первое ДТП в жизни у меня произошло именно по дороге на сенокос. На встречу резко выехала машина и конь сиганул в яму за обочиной. В телеге сидел я, мама, папа, бабушка и извозчик. Я пролетел метра четыре. С перебитым дыханием лежал на траве и ловил воздух ртом.

С бешеной скоростью родители подорвались ко мне, учитывая, что сами еще были в шоке. Папа откачивал меня, а когда я пришел в себя, он крепко прижал к себе. Сегодня, будучи отцом, я прекрасно понимаю его чувства.

У бабушки был характер сильной и властной женщины. Но, несмотря на это, я ее очень любил, и она нас.

Но как-то так получилось, что в один из вечеров в -40° С, после большой ссоры мы покинули бабушкин дом. Это те обрывки памяти, которые сохранились по сей день. Помню, как папа нес на руках младшего брата, мама держала меня за руку, в ее другой руке сумка. Куда идти дальше, никто не знает. С тех пор с бабушкой мы созвонились только однажды, но больше так и не виделись.

Понятия не имею, каким образом мы оказались в поселке Емельяново, это полтора часа езды от Никольского. Но точно знаю, что у родителей уже был план. На время пока не встанем на ноги, поселились у друга отца, где он жил с женой и детьми. Вроде как места всем хватало. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Так и ютились. Причем точно помню, что всё также было позитивно, без какой-либо драмы и особой нужды в чём-то.

Отец устроился работать на птицефабрику. Рабочим завода можно было заселиться в небольшую комнату в 15 квадратных метров. Чем и воспользовалась наша семья. По факту это было общежитие: длинный белый коридор в один этаж с дверьми по бокам.

Папа тогда сам сделал шкаф из ДВП и даже кухонный гарнитур.

Уютные воспоминания из детства больше всего врезаются в память. Не то, как твои богатые родители пошли и купили в дом всю нужную мебель. А именно то, как старший сын смотрит на отца, как тот что-то мастерит, и подает маленький молоточек с гвоздями.

Все эти истории можно было рассказывать с ностальгией, все, да не все. Однажды отцу зарплату выплатили талонами, которые обменивались на продукты.

Вместо туалета у нас было ведро. Ну жалели меня родители и не хотели, чтобы я мелким ночью шарахался по этому длинному темному коридору. Вот и придумали все условия, не выходя из дома. Вполне нормальная история многих из постсоветского детства, особенно, если живешь в деревне.

Так вот. Мне приспичило посреди ночи, я встал, сходил по большому. Нашупал единственную бумажку на столе, ей и подтерся. Проснувшись с утра, увидел такую картину: батя отмывает мое дерьмо от талона, потому что иначе мы останемся без курицы или яиц. И даже эта история превратилась в позитивное начало следующего дня, мы просто всей семьей поржали. А батя сказал, что у меня, оказывается, очень дорогая задница.

Спустя время мы снова решили переезжать. Вроде бы папа уволился с фабрики, и его попросили освободить комнату. Я тогда был в третьем классе и особо не погружался полностью, будучи уверенным, что родители решат любой вопрос.

Из общежития мы переехали также по моей памяти в недостроенный до конца дом. Но в нём была крыша, холодильник, диванчик и даже телевизор. Спали все вместе, пока отец не соорудил нам с братом двухъярусную кровать.

В тот вечер я сидел на диване и смотрел телек, который стоял спиной к выходу. Когда кто-то заходил в дом, были видны только очертания. Я один, темно, свет нигде не горел, видимо, чтобы экономить. Открывается дверь, и вместо голоса мамы или папы я слышу мужской бас, чуть ли не рёв:

– Где Алексей? Передай папе, что вам срочно нужно выселиться отсюда.

Тогда я впервые ощутил холодный пот по спине.

Родители пришли, я обо всем им рассказал. Надо было видеть лицо отца... Не то, что он уже сдался. Но в глазах читалось, что он тот, кто в ответе за семью, но не знает, как быть дальше.

И снова мы перемещаемся в другую локацию. По истине это то место, которое сыграет огромную роль в становлении меня, как личности.

Это была школа. Когда я говорю, что мы переехали в школу, я имею в виду, что мы реально в нее переехали.

Мама к тому моменту уже работала в школе №1 посёлка Емельяново. И нам, как семье учителя, выдали это уютное гнёздышко.

Нигде больше за всю свою жизнь я такого не видел, чтобы в школе была квартира с отдельным входом.

Не помню, чтобы испытывал какой-то дискомфорт, живя там. Никто из сверстников особо не подначивал на эту тему. В моем классе были ребята во много раз беднее, чем я. По большому счёту у нас было всё, мы никогда ни в чем не нуждались. Но самое главное, что царило в нашей семье – это любовь, внимание и понимание родителей нас с братом.

Мама работала сначала учителем, а потом и замдиректора. Плюс ко всему была моим классным руководителем. И в довесок вела сборную КВН. При этом успевала быть организатором мероприятий для всей школы. А для детей стала наставником и просто другом. При всей своей занятости мама всегда уделяла много времени моему развитию: отправляла участвовать в КВН, на разные соревнования и так далее.

Мама – очень творческая личность. Кроме профессиональной деятельности, она еще и сочиняла стихи. Тем самым, приучая меня к поэзии и подсказывая все тонкости написания и чтения. Этот навык привёл меня к тому, что я начал выступать с творчеством на сцене перед огромным залом. Каждое произведение я озвучивал так, что зритель плакал. Этот скилл помогает мне и по сей день.

Образ мышления, который мне привила мама, заставляет мой мозг думать на порядок быстрее чем у многих сверстников. А картинки в моей голове и умение ставить цели, уже позже я раскачал до совершенства.

Мышление образами – это сильнейший навык всего человечества, особенно достигатора типо меня. Помнишь фильм «Секрет»? Некое пояснение основ притяжения того, что ты нарисовал. Там же рассказывается и о карте желаний, наверняка, висела у многих на стене. Всё это элементы одной системы под названием визуализация. Она стоит в основе достижения любой цели. И насколько сильно будет прокачена эта способность, настолько быстро ты будешь добиваться чего угодно.

Погружение в мир поэзии с детства и мышление картинками, все это привила мне мама. Благодаря этому, в том числе, я пришел сегодня в свою точку *В*. Отсюда можно сделать большой вывод для родителей – прокачивайте детские образы и их фантазии, раскрывайте в них творческие способности. Так как это напрямую влияет на их будущую жизнь.

Глава 2

ДВА МИРА

Когда родители приняли решение разводиться, мне исполнилось 13 лет. Их дороги разошлись, такое не редкость.

Для подростка – это всегда удар. Одно дело, если тебе шесть лет, другое – когда, ты более-менее взрослый и уже что-то понимаешь. Хотя, безусловно, развод всегда болезненная история для всех детей, даже совершеннолетних.

Четко помню момент, когда отец начал забывать о дне рождении мамы. Мы ехали с ним в машине.

– Ты маме что подаришь? – Спросил я.

– В смысле, подаришь? – Ответил папа и нахмурил лоб.

– Ну у нее же сегодня день рождения.

Он просто забыл...

Вот тогда я и начал понимать, что что-то идет не так. Мама погрузилась с головой в работу. На тот момент ко всем ее обязанностям добавилась должность заместителя по воспитательной работе с детьми. Отца тоже особо дома не было, он днями и ночами трудился.

К тому времени, когда родители уже разошлись, и папа съехал от нас, я стоял перед зеркалом и долго смотрел на свое отражение. Не понимал, почему немного не похожу ни на маму, ни на папу кое-какой частью своего тела. Страшно даже подумать какой. Нос! Он был похож на нос самого что ни на есть истинного кавказца.

Ты растешь, и растет твой нос. Девчонки смеются. Малолетки выкрикивают, что у тебя шнобель. А старшаки говорят: *«Что на витрине, то и в магазине.»* Я комплексовал и не понимал, что за прикол: мама русская, папа русский, а я как будто бы нет. В итоге решил подойти к маме и прямо спросить:

– Мам, у меня к тебе есть один вопрос. Ты русская, папа русский. – Пальцем тычу в нос. – Что это такое?!

– Садись, сын, я кое-что хочу тебе рассказать. – Вдохнула она и указала на стул перед ней.

Мама начала говорить, а меня потихоньку окутывала пелена ужаса. Дыхание участилось настолько, что онемел язык, кровь прилила к лицу, а руки задрожали. Я готов был услышать что угодно, но только не такое.

– Стас, на самом деле твой папа, тебе он не родной. Он твой отчим. А настоящий отец живет в Дагестане, и он богатейший человек Кавказа. Твоя семья – это не только бабушка, я и твой брат. У тебя пять дядь, 30 сестер и братьев, не перечить, сколько еще родственников. Так получилось, сын.

Услышать такое пацану в подростковом возрасте, это тотальная неопределенность, типа: «Че? В смысле?» Ты 13 лет прожил с отцом, знаешь его историю, видел, как он тебя воспитывал, растил. И тут тебе мама выдает такую инфу. Я испытывал очень смешанные чувства.

Мама порекомендовала мне отправить письмо родному отцу. Написать, что мол, всё хорошо, жив, здоров. Я это сделал практически сразу же. Но на два года убрал конверт в стол. Столько времени мне понадобилось для осознания, что мой папа Лёша – на самом деле мне

не папа. Мозг просто отказывался в это верить. Один момент я словил себя на мысли, что хочу забыть все услышанное как страшный сон.

В том письме я настроил что-то в духе: «Привет, папа! Я жив, здоров, все хорошо». Ровно через два года я решился его отправить. Оно ушло по адресу, который мама знала наизусть. И уже через неделю случилось то, что в корне изменило мою жизнь.

Раньше были телеграфы на почтах, по ним можно было созваниваться с городом, в котором адресат заказал звонок. И вот мне пришла повестка, что некий Хакимов хочет поговорить со мной. Я понял, что единственный человек с такой фамилией, – это мой родной отец. Тогда мне уже исполнилось пятнадцать лет.

В телефонной трубке я услышал: «Алло, Саид! Приезжай, королем будешь». После чего я реально испугался. Мне даже верить не хотелось, что я дагестанец, да кто бы ни был, для меня это была чужая история. В принципе при первом касании такое тяжело принять. Будто тебя в другой мир закинули.

В голове сразу куча вопросов. Но самый главный вопрос, почему Саид? Ведь меня Стас зовут по паспорту – Станислав Алексеевич.

Отец сказал: «Я богатейший человек. А ты старший сын, ты наследник всего моего состояния». Позже он часто будет это повторять.

Стоя у трубки телеграфа, я прокручивал в голове наши скитания по городам и обществам. В 15 лет я получил звонок, в котором мой генетический отец, которого я никогда не видел, говорит: «Саид – ты наследник. Ты старший сын, таков закон!»

Только сейчас я могу понять детей, которые оказались в такой же ситуации. Когда ты не видишь полжизни своего родителя, а потом узнаешь о его существовании. Встречаешь, обнимаешь, а внутри ничего. Нет чувства, которое называется воспоминания.

По факту лишь воспоминания делают нас ближе друг к другу. А не знание о том, что где-то есть такой человек.

Когда я шел домой, то я спрашивал у Бога: «Господи, да как так получилось-то?!»

На шинах возле школьного двора сидели мои ребята. Дверь нашей квартиры была как раз напротив коробки, так мы называли каток. А летом это было поле для футбола. Там всегда царил движ, собирались парни, общались.

Я подхожу и говорю:

– Прикиньте, пацаны, у меня батя миллионер!

– Что ты угорает? – ребята отмахнулись от меня.

– Я серьезно говорю. Сам в шоке. Реально у меня батя какой-то серьёзный человек.

Понятное дело, пацаны не поверили в мою историю и стали ржать. А кто бы не стал? Какой-то батя объявился новый, хотя все знали папу Лешу. Бред какой-то.

В то лето я поехал в детский лагерь. К концу заезда позвонили с пропускного пункта и сказали, что ко мне приехали родители. Вот тогда я реально потерялся в пространстве, потому что понял, что приехал отец.

Встреча была не просто напряженная, все происходило как в тумане. Как если бы ты попал в стрессовую ситуацию и не испытываешь ни боли, ни страха. Это называется состоянием аффекта. Вот именно в нем я и был. А когда увидел отца, то вообще все конечности оцепенели.

Стоял мужчина, с которым у нас вообще не было ничего общего. Папа Леша, по моим ощущениям на тот момент, – вот на кого я похож! Но точно не на этого человека. В белом

одеянии, здоровый, накачанный, с огромной золотой цепью на шее, с золотыми ролексами на запястье и с телефоном D600. Он был абсолютно не из того мира, в котором жил я.

В этом состоянии я приближался к нему. Мне казалось, что расстояние от ворот до машины было километра два. Обнял его и выдавил кое-как:

– Привет, папа, – а в ответ услышал громкий бас с тем самым акцентом.

– Ассалам алейкум, мой сын дорогой, мой Саид! – от этого кровь в жилах остыла.

Чужой. Чужой человек. Чужой запах. Чужая внешность, крутились в голове мысли. На тот момент я практически не общался никогда с кавказцами. Его речь сильно резала слух, хоть он и говорил по-русски.

Мы поболтали на какие-то, как мне тогда показалось, отстраненные темы, типа: Как дела? Как в лагере? Как в школе?

На следующий день вместе сели в машину и отправились домой. Как раз в лагере заканчивалась моя смена. Когда подъезжали к школе, надо было видеть лица моих пацанов. Они были в шоке: «Стас, это кто такой?!»

По приезду мы с отцом сразу же отправились в большой магазин. Он купил тогда столько пакетов еды и газировки, что ими у нас была заполнена вся квартира. Помню подошел к столу, взял упаковку сока, открыл его, попил поставил. Потом еще раз потянулся к пакету.

– Что ты делаешь? – строго спросил отец.

– Пью сок, – я напрягся.

– Не надо, ты же уже его отпил. Выкинь.

С каждой минутой все, что происходило, удивляло меня сильнее и сильнее.

Отец достал свой телефон самсунг D600. Его невозможно было забыть. Тогда он только вышел и его рекламировали по телевизору. А у отца он уже был.

Он показал мне фотографии. Там были невероятно огромные дома, в моем детском воображении они выглядели как замки. Улицу, на которой живет вся его, точнее моя семья. То есть целая улица принадлежит им. Показывал заправки, дорогие машины. Какой-то другой мир, в котором я не то, чтобы не был, даже в картинках ни разу не видел. *Это все твое. Ты старший сын. Ты наследник*, не переставал повторять отец.

В тот вечер я задал обоим родителям один вопрос:

– Как так произошло, что я вырос не в самых благоприятных условиях, а за моими плечами находятся все эти миллионы и большие успехи отца?

На тот момент у каждого была своя версия. Я по сей день не могу утверждать истинную причину, но лишь потому, что не был тому свидетелем. Это была чисто история моих родителей. Знаю только то, что мама уехала из Дагестана будучи беременной мной. Знаю, что бабушка была против этого брака. И знаю, что папа Лёша влюбился в маму и женился на ней, когда мне было уже два года.

Отец пожил с нами еще пару дней, и уехал восвояси со словами: «Я жду тебя дома, сын». Тогда я понял своим внутренним миром, что у меня появилась еще одна семья. Только не имел понятия, увижу ли я ее когда-нибудь.

Какой бы была моя жизнь без этой истории? Можно только предположить. Смотрю сегодня на всех своих одноклассников: классные ребята, всех уважаю и люблю. Но один сидит за убийство, другой наркоман, третий работает грузчиком, четвертый санитаром, пятый как был раздолбаем, так и остался, шестой в ТСЖ, седьмой в Спецназ. Где-то в промежутке между ТСЖ и спецназом, скорее всего, и сложилась бы моя карьера. Если бы не случай с отцом, который в корне перевернул жизнь человека.

В этом и есть концепция, о которой я хотел рассказать. В этом суть. Эта история – не просто рассказ. Это момент, резко меняющий картину на ту жизнь, которой ты мог бы прожить. Вариант событий.

Моему удивлению и по сегодняшний день нет предела. Как так, будучи в одной парадигме, в твою реальность заходит новая картина непонятно откуда, и непонятно чего. И как с этим жить? Об этом я и расскажу дальше.

Глава 3

СТАДО

Поселок у нас был маленький. Особо выбора компании с кем дружить, на тот момент я не видел. Обычная дворовая шпана, даже можно было назвать нас гопотой. Без особых угрызений совести мы отжимали у слабых телефоны. Караулили в засаде всю ночь, пока на стройплощадке не заснёт сторож, чтоб отпилить 10 метров кабеля с катушки. Потом бежали с ним по снегу, чтоб не спалиться, а на утро продавали на металл. Очень быстро колея самого низкого социального окружения, затянула меня немного не туда, да что тут говорить, совсем не туда.

Вечерами мы с пацанами в подъезде прикуривали травку, попивали пивко с водочкой. На рассвете нет-нет да выходили в поля, чтобы собрать коноплю и приготовить где-нибудь на стройке смесь с молоком. Употребляя эту блевотину, можно было на месте кони двинуть. Практически все из той компании стали либо наркоманами, либо сидят в тюрьме. А кого-то вообще уже в живых нет. Факт остаётся фактом: если в подростковом возрасте ты попадаешь в такое окружение и остаешься в нем чуть подольше, то исход очевиден. Все это дополнялось тем, что мы росли в селе, где сама экосистема не давала особого выбора.

В те времена я практически ни в чем не нуждался. Мама всегда обеспечивала нас с братом всем необходимым. Еще бы, работая в нескольких местах сразу. Поэтому, по тем меркам, она неплохо получала. Самым необходимым мы всегда были обеспечены: хорошая одежда, еда. То есть занимался я теми темными делишками с пацанами не из-за нужды, а просто за компанию. Ну и плюс в тот период был предоставлен сам себе.

В день, когда получил свой первый условный срок, мне было очень стыдно перед мамой. Она много раз просила меня не общаться с той компанией. Думаю, у многих из нас в подростковом возрасте будто выключается функция слушать родителей. Мы всегда лучше них знаем, с кем нам дружить. Но только повзрослев и родив ребенка, начинаешь понимать, о чём тебе говорили.

Первая условка была за кражу. Друг моей мамы работал судьей. И на заседании я, еще несовершеннолетний, просто получил хороших звездюлей.

Нам всегда хотелось веселья. Как-то раз в голову пришла «классная» идея. В школе, где я жил, напротив нашей двери была подсобка, там складировали овощи для школьной столовой. Ночью, в составе четырех пацанов, мы пробрались туда. Причем изначально не с целью украсть! Просто из любопытства и хулиганства. Но, недолго думая, мы всё же взяли то, что нам казалось, плохо лежит, это был калорифер.

Калорифер – это тепловая пушка, круглая, здоровая, весом в 16,5 килограмм. Я хорошо запомнил эту цифру, так как позже на следственном эксперименте надо было не облажаться с моей легендой, откуда я его достал.

Сначала глубокой ночью мы эту бандуру привязали к дверям школы. Думали, что с утра директриса и учителя придут, увидят, и не смогут зайти. Вот умора будет! Понятия не имею, что было в наших головах тогда. Сам поражаюсь сегодня «гению», сидящему внутри меня. Часа через два, было уже около четырех ночи, нам пришла новая идея: «А почему бы его не продать?»

Сегодня утром, когда я писал эти строки, позвонил директору той самой школы, Подус Людмиле Владимировне. Мы не видели друг друга больше 12 лет. Она немного была ошара-

шена, услышав мой голос. Я предложил ей сделать социальный проект для школы – за свой счёт переоборудовать один из старых кабинетов в класс будущего. На самом деле для школьников это возможность увидеть что-то новое. А не привычные потёртые парты и школьную доску.

Этот класс будет с уклоном на предпринимательство. Чтобы дети могли вдохновляться примерами великих благотворителей и достигаторов. Например, Сергеем Галицким, построившим крупнейшую сеть Магнит, который инвестировал в свой город миллиарды рублей. Для жителей того же Краснодара он соорудил огромный стадион и современный парк. Существуют сотни успешных людей в России, которые влияют на улучшения нашей страны.

По сути, вдохновляя ребят в селах и в деревнях на те или иные свершения, ты инвестируешь и в свое будущее. Ведь те самые дети могут оказаться через пару тройку лет рядом с твоими. И мне бы очень хотелось, чтобы у них было качественное окружение.

Таким образом, видя примеры успешных людей, узнавая их философию, мы получим шанс на то, что кто-то из этих школьников вдохновится и захочет вырваться из посёлка, чтобы делать себя.

Вернемся к калориферу. Мы отвязали в итоге его от двери, спрятали за школой в кустах и пошли домой, думать, как лучше его сбыть. На утро кому-то из нас в голову пришла еще более гениальная идея! В посёлке был местный наркоман, и кто-то из наших гопников сказал ему, что у нас есть такая находка.

С утра вся молодая ОПГ: два брата-близнеца, еще два товарища, я собрались возле зеленых Жигулей. Мы взяли калорифер, аккуратно загрузили в машину, прихватили с собой еще одного наркомана и поехали. Он показал на гаражи и говорит:

– Вон туда подъезжайте.

Мы сворачиваем, и буквально через полминуты оттуда резко вылетает наряд полиции на УАЗике. Водитель нашей копейки бросает руль, убегает в поля, остальные тоже в разные стороны кто куда. И вот мы с этим наркоманом остаемся на заднем сидении. УАЗик останавливается прямо перед нами. Оттуда выпрыгивают полицейские, за шкирку вытаскивая меня из салона и лицом кладут на капот. Всех беглецов в полях также отловили, посадили в УАЗик и мы дружной компанией поехали в отделение.

Нас закрыли по разным кабинетам и начали допрашивать. «Воровали калорифер? – Нет, не воровали. Нашли». Со своей стороны я придумывал разные истории, чтобы и пацанов не сдать, и самому выбраться. В итоге нас отпустили, но в разное время, так, чтобы мы с ребятами друг друга не видели.

Примерно через два часа наряд снова приезжает за мной. Среди них была одна женщина, которая хорошо знала мою маму. Она говорит:

– Стас, если сейчас вину на себя не возьмешь, тогда вам пришлют групповое ограбление. Соответственно, может быть даже статья. – Я, несовершеннолетний, вообще тогда ничего не понимал. Но испугался сильно.

Снова захожу в отделение, уже один, без пацанов, и говорю, что да, это я украл калорифер. Меня спрашивают, кто еще был? Отвечаю, что больше никого не было. Протокол фиксируется: «Елёсин Станислав Алексеевич сам украл калорифер. Сообщников не имеется». На этом меня и отпустили. Процесс записи моих показаний длился не более 20 минут. Я реально сдавать пацанов не хотел. Тем более, что несовершеннолетний, что мне будет-то?

Иду в сторону дома. Пока шел, встретил одних пацанов, которые выкрикнули: «Эй, крыса!». Я не понял, шагаю дальше. Вижу других знакомых, которые, прячась друг за друга возле поселкового ларька, говорят: «Здорово, красный». Тут я уже стал переживать, что случилось-то? А живот прямо свело от всей этой ситуации. Смотрю еще одни ребята, которые заржали и бросили мне вслед: «Пидор!»

Что вообще происходит? Мои пацаны с района начинают на меня наезжать, что я якобы кого-то сдал. В смысле сдал? Я так-то вину на себя взял! Героически иду в сторону дома всё больше и больше не понимая, что случилось?!

Зашёл домой, и тут же огрѐб по башке кастрюлей, ну понятно, от мамы соответственно, по справедливости. Мама была в диком бешенстве. Сын уважаемого учителя, вроде бы должен быть образцом, а тут меня полиция допрашивает. Что там произошло, она узнала сразу же от этой подруги. Это она порекомендовала взять вину на себя, чтобы не повесили групповое. В общем, от непоняток и изрядного стресса меня вырубил до следующего дня.

Утро. Я проснулся с вполне хорошим настроением. Хотелось побыстрее добраться до пацанов и рассказать им, как я самоотверженно не бросил их. Обычно, в фильмах такие герои любимчики.

Я вышел из дома. Поворачиваю голову и вижу на белой стене слева красуется слово «ПИДОР», написанное зеленой травой. Это то место, где учатся тысячи учеников. Место, в котором я жил со своей семьей. Учтывая, что вчера тебя прессовала полиция, и ты не сдал своих пацанов, я продолжал не понимать, что к чему.

До сегодняшнего дня для меня эта история остается основной. Я впервые так ярко познакомился с понятием стадный рефлекс. Узнал, как работает подобное мышление именно в этот период времени. Инстинкт выживания, особенно в подростковом возрасте. Я ощутил все это на своей шкуре, в огромном масштабе. А это означало лишь одно – как раньше видеть мир я уже не буду, просто не смогу. Никогда.

Что произошло в итоге? Пока я в полиции выгораживал остальных малолеток, в других комнатах отделения сидели мои «сообщники». Им сказали, что я всех сдал. Зачем? Чтобы они в итоге раскололись. Но «поддельники» стояли на своём и говорили, что ничего не воровали. Их отпустили первыми, а меня задержали для дачи показаний.

Слухи в маленьком поселке распространяются со скоростью света. Когда пацаны вышли, они собрались вчетвером, и пошли к Игорю.

Игорь – один из самых главных и опасных в той компании. С ним наши пути еще пересекутся. Это будет немаловажной историей на пути становления моего характера. Стержня, который в моей жизни решил очень многое.

Игорь был своеобразным парнем в «группировке». Своим мозгом, интеллектом и харизмой он не пользовался, ну от слова совсем. Он дрался каждый день. Всегда нокаутировал каждого, кто сходил с ним в схватке, одним ударом. Он мог уложить любого быка и, казалось, что равных в поединке ему нет. Стиль его боя был понятен, но в тоже время опасен. Имея длинные руки и природную силу, он вразмашку включал свои здоровые кулаки ровно на одну минуту. В гуще хаоса его мордобития устоять было практически невозможно.

Пацану 17 лет, он в хлам нажирался и на мотоцикле по посёлку гонял 120 км/ч без шлема, не боясь разбиться. В этом был весь Игорь, и в принципе, он был мой друг. Хотя, мама всегда предупреждала меня.

– Стас, надо присмотреться. Это не твоё окружение. Это не те, кто тебе нужен, – а в ответ всегда слышала одно и то же.

– Мама, это мои друзья. Ты ничего не понимаешь.

Как, впрочем, и любой подросток, который объясняет своим родителям, что он лучше знает, с кем ему общаться.

Так вот, пацаны пришли к Игорю и просто сказали, что я всех сдал. Что полиция меня расколола, и я решил их слить. Если такое знает Игорь, то вскоре слух пройдет по всему

поселку, причем с уверенностью, что это правда. Стаду всегда нужен тот, о кого можно вытереть ноги, за кого можно зацепиться, а потом «казнить». Расчленёнку обожали во все времена. Сегодня в XXI веке ее любят не меньше, чем тогда, когда людям отрубали головы реальным образом. Сейчас же стадо делает тоже самое, только в просторах интернета.

Стадо это не про большое количество людей, это в принципе не измеряется. Это про бессознательное желание за счёт какой-то новости кого-либо растерзать.

Разбираться в достоверности нет ни интереса, ни времени, ни смелости. Оно просто идет вслепую за лидером, который ведёт в грязь и темноту.

Данный инстинкт – это основа нашего самосохранения. И если нашелся один изгой, стадо должно будет встать на сторону большинства, чтобы показать, что оно часть коллектива.

Неважно, совершал человек ошибку, или это был просто слух о ней. Это как потянуть свитер за ниточку, он уже стежок за стежком перестает быть цельным. Как только в тебе нашли, за что зацепиться, это портит всю твою репутацию напрочь. Что интересно, примерно те же ощущения я испытал уже в 2020 году, спустя 15 лет, но об этом чуть позже.

Игорь знал, что на самом деле я этого не делал. Знало большинство. Но было уже поздно. Маховик запустился.

Каждое утро я выходил из дома под лозунги: *Красный. Пидор. Мразь*. Ребята стояли за школьной коробкой и выкрикивали.

Пережить такое, тем более в подростковом возрасте – страшнейшая трагедия. Учтывая, что совсем недавно я узнал новые факты своей жизни, касаемо моих отцов. Подвергаться огромнейшему давлению сотен людей, твоих сверстников, было невыносимо. Представь, сотни человек с утра до вечера кричат тебе в спину, что ты «красный» и сдал мусорам своих пацанов. Хотя все уже давно поняли, что на самом деле я взял вину на себя.

Глаза в пол опускали все члены того события, когда мы пересекались на улице. Ни слова, просто как маленькие барашки, понимающие, что ситуацию уже не изменить.

Дата следственного эксперимента была известна за две недели. Передо мной стояла задача – не разойтись в показаниях, и я по-прежнему отстаивал свою позицию, что был один. Геройство? Способ всем доказать? Не знаю.

На эксперименте нужно было в первую очередь продемонстрировать, что один подросток смог протащить этот калорифер вдоль всего школьного участка. Плюс еще перекинуть его через забор высотой в 2,5 метра.

Я попросил маму, чтобы она меня будила в 6 утра. Вставал, одевался, выходил на площадку и тренировался. Бегал, отжимался, подтягивался на брусьях. Я не мог провалить этот следственный эксперимент. Вот до какой степени хотел отбелить свою репутацию.

Я тренировался каждый день все две недели. Во время эксперимента на школьной площадке собралось полсотни человек. Все пристально наблюдали за тем, как я показывал то, чего на самом деле не делал. Все уже давно всё знали, дошло уже до самых тугих, что происходит. Но страх перед Игорем и боязнь быть вне стада брала вверх.

Эксперимент был закончен. Суд. На мне условка. Но ситуация так и не поменялась. Я остался тем самым изгоем.

Спустя время после того случая, тех самых пацанов из зеленых Жигулей уже не осталось в поселке. Все разъехались с семьями по разным местам. Фактически я был один. Я просто боялся выйти на улицу. Не потому, что меня избьют, физически в отношении меня это сделать довольно сложно. Моя комплекция не позволила кому-либо подойти ко мне. Но именно моральное давление было настолько сильное, какого я не испытывал больше никогда в жизни.

Помню, как сидел дома на полу, обхватив колени, смотрел в одну точку и покачивался как умалишенный. Я просто не понимал, что будет дальше, и как мне теперь жить с этим глобальным обманом, учитывая, что каждый день ситуация всё больше накалялась.

Когда говорю, что слухи ходили по всему поселку, то не утрирую, ровно так оно и было. Я захожу в деревенский туалет, там написано мое имя и мат. Я иду в магазин – на его стенах мое имя и мат. Это клеймо преследовало меня.

К тому моменту у меня оставалось еще два друга – Сашка и Ванька. Давление было настолько сильное, что однажды я подошел к пацанам и сказал:

– Пацаны, мне походу хана. В смысле меня по-любому морально сожрут. И, если вы будете со мной, то и с вами сделают то же самое.

– Мы с тобой до конца, брат, – сказали мне оба верных друга, – мы знаем, что ты этого не делал.

Ванька пропал с радаров уже на следующий день очень резко и красиво. Он даже вроде бы куда-то уехал на время. Понимал, что не хочет, чтобы его репутация была также очернена. Ну а Сашки хватило на неделю. Потом исчез и он.

Это было первое касание слова «дружба», которое я ощутил на себе. От меня отвернулись все: одноклассники, друзья, весь круг моего общения. Рядом были только мама и младший брат. По факту ты один, сидящий в этой маленькой школьной комнате. А все остальные по другую сторону баррикад, они все против тебя. И это очень страшно. Страшно засыпать, когда в два часа ночи в окно, под которым стоит кровать мамы и брата, залетает кирпич. Страшно просыпаться, потому что на утро ты смотришь на стёкла, а твое сердце разрывается от боли.

Меня спасло чудо. Точнее моя мама – мудрейший человек.

Она понимала, что волну не остановить и доказывать подросткам что-либо бесполезно. Она видела, как день за днем я просто морально и эмоционально погибал. В один прекрасный момент приняла решение, одно из самых ключевых в моей жизни. А в дальнейшем и в жизни всей нашей семьи.

– Дети, собирайте вещи в коробки. Мы уезжаем! – Она швырнула картонные коробки на пол и начала сгребать все свои платья в кучу.

Вспоминаю переезд из поселка Емельяново в город миллионник Красноярск. Сейчас думаю, для меня это было реальное спасение. Потому что кто его знает, чем бы эта вся история закончилась. Людям уже было не объяснить кто прав, а кто виноват. Но что интересно, тогда я понял, что психика любого человека склонна к поломке. В моменте я сам поверил, что предал ребят. У меня уже практически произошло раздвоение личности. Бывало, смотрел на себя в зеркало и спрашивал:

– Зачем ты это сделал? Ты – красный!

– Я этого не делал, – отвечал другой.

Кстати, опыт невероятного коллективного давления пригодился мне позже в армии. Там я увидел то же самое, но уже профессионально, с точки зрения анализа. Ну а в бизнесе и подавно такое есть. Но восприятие уже совсем на другом уровне.

День нашего уезда серой картиной запечатлелся в моей голове.

К дверям школьной квартирки подъехал ЗИЛ с открытым кузовом и потёртой кабиной. Мы запихнули туда все имущество: пакеты с вещами, коробки и зачем-то диван, что до сих пор остается для меня загадкой.

В кабине ЗИЛа для меня места не хватило. И я сел на этот диван, который мы загрузили в кузов. Машина тронулась, я посмотрел на всех пацанов, которые стояли возле школьной коробки. Там было человек пятьдесят. Я помню лица каждого. Среди них сидел и Игорь, опу-

стив глаза в пол, по привычке пожевывая жвачку. Они все молчали, никто не говорил между собой. Они внимательно провожали отдаляющийся ЗИЛ, будто радуясь победе. Это был стадный успех.

История закончилась. Но самое жуткое, что несмотря на то, что мы уехали, во мне на протяжении долгих лет оставался страх. Он раздирал меня изнутри, желудок сжимался и прилипал к позвоночнику, как только я вспоминал.

Страх не просто от произошедшего, это была боязнь вернуться, случайно встретить кого-нибудь из того стада, которое с ликующим успехом изгнало меня.

Глава 4

НОВЫЙ ЛИДЕР

Машина въезжала во двор старой пятиэтажки. На детской площадке прямо под качелями лежал пьяный мужик, а в двух метрах от него мамаша с пивом в руках убаюкивала ребёнка. Я подумал: «ужас». И именно в эту секунду водитель ЗИЛа нажал на тормоз.

– Добро пожаловать в Красноярск, – с сарказмом сказала мама.

Мы заселились в общежитие. Места было ещё меньше, чем в школьной квартире. Наша комната в 20 квадратов находилась на втором этаже. Душ был общий в коридоре, зато свой туалет.

По приезду уже в первую неделю я устроился на автомойку «25 часов» на полноценный рабочий день. Это была сеть автомоечных комплексов премиум сегмента в несколько тысяч квадратов. Этажом выше бильярдный зал с современным оборудованием.

Сегодня, побывав уже на многих мойках по миру, я до сих пор считаю, что та была самая крутая.

Период работы на мойке был легендарным, о котором мне до сих пор очень нравится вспоминать. Я обожаю свое дело. Даже сейчас могу сам помыть свой автомобиль, потому что делаю это профессионально и с любовью.

Взаимоотношения на работе были не просто пришел-ушел, мы строили там свой микромир. И в нем я стал лидером: устанавливал свои законы, придумывал что-то новое, мотивировал ребят.

Знаешь, что самое интересное в лидерстве? Что в одном месте ты можешь им быть, а в другом – уже ведомый. Взять, например, меня, работающего в те времена на мойке, и перебросить в Емельяново. В контексте того места я бы уже вряд ли занимал главенствующую позицию.

Многое сильно зависит от контекста, места, времени и окружения, в котором ты находишься. Здесь ты лидер, а там – никому не нужный изгой.

Там я впервые влюбился по-настоящему. Это была светлая, чистая и большая любовь. На крыше одного дома с цветами в руках я писал «С 8 марта», а она с другого смотрела на меня. Романтика, мечты о будущем, совместные рассветы.

Не знаю, почему мы сразу переехали жить к девушке. У нее были не самые хорошие отношения с родителями. Много разных картин я видел тогда. Например, как мы на последние деньги купили «Роллтон», приехали к ней, чтобы поесть, и пока мыли руки, ее пьяная мама съела нашу лапшу. Ее родители были сильно зависимы от алкоголя. Но, так или иначе, нам с девушкой было очень хорошо вместе.

В какой-то момент произошла трагедия, о которой невозможно даже было подумать. Девушка забеременела. Я понимал, что впереди меня ждет армия. В 17 лет ты не всегда осознаешь, что это вообще такое и что с этим делать. В этом возрасте я впервые узнал, что такое аборт.

Сидишь на лавочке и ждешь, когда она оправится после наркоза. Чувствуешь себя конченым мудаком, испуганным и видящим только такое решение этого вопроса. Страшное было

время. Я понимал, что мы сейчас проходим самый беспонтовой этап в жизни. К сожалению или к счастью, но мы это сделали.

При этом оба осознавали, что просто не готовы к детям, что можем сильно испортить друг другу жизнь. Я тогда сам вырос в непонятной истории с отцом, а она – с пьющими родителями. Учитывая все это, решение было принято обоюдно. Мы не стали рассказывать об этом никому, просто молча взяли грех на душу в свои семнадцать лет. Утешая себя, что это был самый ранний срок, недели три, не больше.

Не желаю пройти этот этап никому! Если ты сейчас читаешь эти строки и в ближайшее время не планируешь обзаводиться семьей, умоляю, предохраняйся и береги любимого человека!

Сегодня моя первая любовь замужем за прекрасным мужчиной, которого я знаю. У них есть дети. У нее все очень хорошо, чему я безумно рад. Какое-то время я даже негласно следил, чтобы у нее все сложилось.

Этап мойки был на пике. Я закрепился и уже конкретно там рулил всеми процессами. Вырос по карьерной лестнице от мойщика до админа. В социальном статусе с коллективом тоже все было отлично.

В моем окружении было много пацанов азербайджанцев. На своем уровне и в своем возрасте они были значимы на нашем районе. Эти ребята работали вместе со мной. Я помог им там вырасти и стать профессионалами.

Мы очень дружили: вместе праздновали дни рождения на смене, отмечали Новый год, ставили ёлку. Реально чувствовали, что превратились в такую маленькую семью. У меня как-то получалось объединять людей общей целью и задачей, вдохновлять их на достижения не только в работе, но и за её пределами.

Это было утро самого обычного рабочего вторника. Я с отличным настроением шёл по коридору, попивая кофе. Улыбался своей любимой девушке, которую сам повысил до админа. Она, кокетничала, улыбалась в ответ.

Все было как в замедленной съемке: я отвожу взгляд и ловлю резкий ступор. Дыхание перебило, к лицу прильнула кровь, страх окутал с ног до головы так, что ноги стали ватными. Я замер с кружкой горячего кофе, смотря в одном направлении.

За рулем тех самых зеленых Жигулей сидел один из парней, с кем мы везли украденный калорифер. Тот самый, который пустил слух, что я сдал своих пацанов. По сути, один из тех, из-за кого моя жизнь стала адом. Поначалу он озирался по сторонам. Но, спустя пару секунд, наши глаза встретились. Ненависть, желание отомстить и прямо сейчас с кулаками накинуться на него. Вся палитра эмоций бушевала во мне, но страх прошлого оказался сильнее.

С момента нашего переезда прошло больше года. В моей памяти эта история начала уже забываться. Ровно до того дня, пока я не встретил этого парня. Мы смотрели друг другу в глаза недолго, но показалось, прошла целая вечность. Мы не поздоровались, и я прошел мимо.

Где-то в скрытых участках мозга есть то, что мы не можем контролировать. Это называется реактивным умом, что забивается глубоко в подкорку. Ты не хочешь больше к этому прикасаться, но инстинкты включаются сами по себе. Вот такое чувство я тогда испытал.

Это сегодня, анализируя все произошедшее, я понимаю, что каждый из тех моментов являлся моим турбо усилением. Но тогда это был дикий страх, вгоняющий в ступор. Неужели это снова может повториться в моей жизни?! Я не хотел больше видеть никого, связанного с той историей, но увидел.

Было понимание, что эта встреча не закончится для меня просто так. Что я снова увижу того Игоря и всю его банду, с которой уже нужно будет разбираться. На этом надо было нако-

нец ставить жирную точку: или я, или меня. Закончиться все это могло только одним – боем с непобедимым, как мне тогда казалось, противником. Выбора не было.

Единственное, что я решил делать, это готовиться к великой драке и, как следствие, к великой победе.

У меня были друзья-спортсмены, уличные бойцы и профессиональные боксёры, с которыми мы вместе работали и иногда пересекались во дворах. Вечером того же дня я пришел к ним и сказал:

– Пацаны, у меня предчувствие, что будет большая драка. Мне нужно подготовиться.

Около месяца парни меня тренировали. В ночные смены на мойке мой друг Рома ставил мне спичечный коробок между подбородком и ключицей, чтобы я, прижимая его, не пропустил в бороду.

Каждую ночь в мои смены пацаны приезжали с боксерскими перчатками и гоняли меня, каждый день тренировали и закаляли. А предчувствие битвы нарастало. Я на сто процентов был уверен, что этого не избежать. При каждом удобном случае брал в руки спортивный инвентарь и в поте лица готовился.

День настал. В ту смену мы были с ребятами азербайджанцами. Ко мне подбежал парень из персонала и сказал:

– Стас, там какие-то типы пьяные приехали на жигулях. По-моему, к тебе разбираться или что-то типа того. Их человек 5 там.

Я понял, что время пришло. Сказал пацанам, чтоб они были рядом, вышел на улицу. Зелёная шестерка под палящим солнцем стояла в теньке автомойки. Из нее вывалились туши пьяных, уродливых, на это время абсолютно не изменившихся, моих бывших друзей.

– Ну что, тварь? Вот ты и попался. Долго мы тебя ловили.

В этот момент за мной стояли мои друзья.

– Буду тебя сейчас убивать, – Игорь с воплями кинулся в машину за пистолетом.

– Берите палки, пацаны, – крикнул я своим.

Сегодня для меня это как картина из фильма, тогда же это был кусок моей реальности. Сзади меня мои товарищи с камнями и палками. Передо мной человек, который тянется за пистолетом в машину. Он видит, что происходит, с ухмылкой говорит:

– Ладно, будем драться, – и начинает разминать кулаки.

Ко мне подходит один из моих пацанов и говорит на ухо:

– Стас, ты вывезешь? Он так-то крепкий.

– Не знаю, брат, – я посмотрел на него и двинулся вперед. Мой опыт и мои воспоминания подсказывали мне о том, что вывезти мне не суждено.

Мы шли с ним на место, где должна была произойти великая битва. В руках Игоря промелькнула зажигалка. Ее используют, чтобы усилить вес удара.

– Убери, не позорься, – сказал я.

Мы встали перед друг другом. Я внимательно посмотрел на Игоря, не отрывая глаз, и задал главный вопрос.

– Ты же знаешь, что я пацанов не сдавал. Зачем ты это всё сделал?

От услышанного ответа всё и решилось.

– Я знаю, брат, но обратного пути уже нет. Придется биться.

Я на секунду остоленел. Все два предыдущих года пронеслись у меня перед глазами. Игорь все это время действительно знал. Это были уже не мои догадки. Но он понимал, что стадо пошло за ним, пути назад нет.

Драка началась. И прямо в момент, когда первым ударом его огромный кулак летел мне в лицо, произошло важное озарение в моей жизни. Я успел его осмыслить, пока костяшки противника приближались к моему лицу. Я ощутил. Уловил. Прозрел.

Нас с Игорем отличало одно: пока я готовился, тренировался и занимался, он бухал. Скорость моих ударов, восприятие ситуации превосходила его в кратные разы. Буквально через полминуты он лежал на земле, ни разу не попав по мне. А я долбил кулаком его рожу.

В миг я остановился и, тяжело дыша, смотрел на проигравшего Игоря сверху вниз. Пока он, наконец, в соплях и в крови не закричал: «Ну чего ты? Давай, добивай!»

А я понял, что все. Я уже выиграл этот бой, дальше продолжать смысла нет. Встал, отряхнулся, посмотрел на него в последний раз и просто ушел. Пара его шавок еще бросились на меня со спины. Одного я кинул через бедро. Причем еще раз почувствовав, насколько вырос физически и насколько за это время ослабли они. Это было то самое ощущение, когда ты переходишь на другую стадию, то самое, когда понимаешь – что ты стал сильнее.

Есть такая книга «Накопительный эффект», автор Даррен Харди. Очень советую ее прочесть всем. В ней говорится о том, что накапливаемый эффект дает результаты победы в любой ситуации в будущем. Наглядно это было показано в моей истории. В то время, когда все те ребята бухали, я тренировался. Именно это позволило мне победить.

Уже через два часа, когда этот товарищ с разбитым лицом уехал обратно в поселок, мне начали звонить мои друзья. Те самые, которых я когда-то предостерег от опасности.

– Брат, мы всегда в тебя верили. Мы всегда знали, что ты был прав. Мы знали, что он пиздабол, – говорили они.

Звонили мои одноклассники, друзья друзей и знакомые знакомых с того поселка. А я просто слушал, как победитель уже прошедшей истории. Я молчал, помня, что все эти люди кричали когда-то мне в спину, что я «красный» и предатель.

Но, несмотря ни на что, история была пережита с огромным выводом. Это была моя первая двухлетняя война, которую я прошел и победил.

Мы в секунду можем поменять всю жизнь. Но к этой секунде иногда готовимся не один год. Итог ты видишь в конце и, согласно накопительному эффекту, этот конец будет победным.

Глава 5

МЫ ВЕРНЕМСЯ ДОМОЙ

Январь 2008 года. Голос злого майора из окна второго этажа на пересылке: «Призывникам построиться в шеренгу. Ваш покупатель приехал.»

К этому моменту я уже был слегка пьян, поэтому особо не соображал, кто там приехал, зачем какой еще покупатель нафиг?! Это позже я узнал, что за новобранцами приезжают из частей капитаны и набирают себе ребят для службы. Их и называют покупателями.

По большому счету у меня была возможность не идти в армию, так как моя мама некоторое время успела поработать в военкомате в контрактном отделе. Но мне хотелось некоторой встряски, и я сам проявил инициативу, тогда еще не зная, куда попаду, и чем все это закончится.

Из диалога перед оглашением пункта назначения:

- Сука, – сказал я себе под нос.
- Что случилось? – Димка спросил, услышав мой голос.
- Они мне на размер меньше сапоги дали.
- Да ладно тебе. Приедешь в часть, поменяешь, – друг похлопал по плечу.
- Надеюсь, – ответил я без особой надежды.

На плац вышел капитан.

– Здравия желаю, товарищи солдаты. Вы отправляетесь нести воинскую службу в спецвойска, в спецполк в доблестном Мулинском районе в Нижегородской области. Ваши войска труб-рд-рф-р...

- Дим, что за войска? Я не расслышал, – шепотом спросил я.
- Да я сам нихера не понял.

С армейских времён прошло уже 11 лет, а мы по сей день дружим с этим лезгином. Еще тогда на призывном мы взглядом перекинулись друг с другом и поняли, что надо держаться вместе. Он был коренастым, здоровым и на вид очень сильным парнем. А я незамедлительно уже с поезда проявил свои способности стратегического мышления.

Постучал в дверь купе, где обитал наш «покупатель».

- Товарищ капитан, разрешите обратиться, – стоял я по стойке смирно.
- Давай, сынок, – ответил мужчина, глядя в окно.
- Дорога длинная, вы нам пить запретили, а мы все под завязку. А поезд-то уже тронулся. Давайте я вас подогрею в пути и всё, что скажете, все будем делать. А вы нам разрешите хоть немного перед службой расслабиться.
- Ну, – капитан посмотрел на меня внимательно, – давай. Только, чтоб под твоим контролем всё было, и с тебя спрос!

– Отлично, товарищ капитан, так и сделаю!

Через три минуты у Кэпа в купе на столе не было свободного места: пиво разных сортов, рыба, еда на любой вкус.

А я, пробегая по всем плацкартным кубрикам, предупреждал пацанов: «Пожалуйста, давайте только без косяков! С меня спрос!»

Сорок человек, не знающих друг друга, потихоньку начинали раскрываться, у каждого своя судьба. Армия хорошо может показывать, кто ты уже с первых минут службы.

– Бля, кто наблевал?!

– Ну я, и че?!

– Друг, надо убрать за собой, – я развел руками.

– Возьми и сам убери, – дикий стремный ржач.

Первый удар в челюсть я запустил своему сослуживцу еще в плацкарте поезда, после чего он убрал за собой все, что вышло из него. Так сказать, для профилактики и во избежание общего наказания всех культурно сидящих в плацкартах пацанов.

В общем, сидели мы весело, знакомились, травили байки, совершенно не зная, что с нами будет завтра. Где-то на полпути мы разговорились с девочкой, которая сидела через плацкارت от нас.

– Ребят, а вы куда на службу едете? В Мулинскую 72-ю?

– Вроде, как да, – мы пожали плечами, – а что?

– Мда, – грустно поджала губу, – не завидую я вам, пацаны. У меня мама там главврачом работает. Чаще всего груз 200 оттуда уходит: то повешенные, то после учений пулю словят.

«Нихера себе приехал», – подумал я. Посмотрев на пацанов, прочитал в их пьяных глазах те же мысли.

После слов той девочки я подошел к окну в тамбуре и написал на запотевшем стекле: «08.09. Мы вернемся домой».

Долгая, муторная дорога из Красноярска в Нижний Новгород была в режиме сон-еда-пиво-сон-еда-пиво.

Два КАМАЗа глубокой ночью остановились прямо перед казармой. На улице было около -30°C. Мы, уставшие и пьяные, были в предвкушении сладкого сна перед службой. Но немного не оценили, как нас будут встречать наши «дедушки».

– Ну что, суки, добро пожаловать в ад! – заорал сержант.

Один за одним полупьяные тушки, ещё не принявших присягу солдатиков медленно, но уже в панике, вываливались за борт КАМАЗа. Представление только начиналось.

Гоняли нас по всей казарме без остановки до четырех ночи, не дав даже сумки кинуть, пока мы окончательно не выдохлись. После чего построили в шеренгу, раздели до трусов. Забрали всё, всё что было с собой: деньги, телефоны, сигареты. Все то, что хоть немного связывало нас с внешним миром.

Забрали всё у всех, да не у всех.

Утро первого дня.

– РОТА ПОДЪЕМ!!! – дневальный, как последняя истеричка проорал эти слова с такой силой, что вопрос был один: «Куда бежать?!».

5:55 утра. Сержант Сурженков ворвался в кулуар между кроватями и ещё истеричнее крикнул: «Стройся! Форма одежды №4, бежим 10 км. Все выходим на улицу!» – Развернулся и вышел.

– Димыч, вставай, подъем, – я в растерянности толкаю Димона, сладко похрапывающего. Он даже не слышал момента, когда в роте уже происходил полный апокалипсис.

– Угу, – потер он заспанные, красные, до сих пор слегка пьяные глаза и, поняв масштаб бедствия, пулей сорвался с кровати.

– Братан, я только одного не знаю, – посмотрел я на друга, держа в руках обувь. – У меня сапоги на размер меньше. Как же я десятку эту побегу?

Моя служба Родине началась с порванной пятки после марш-броска и с фатальной неопределенности: что нас ждет дальше?

Телефоны забрали. Но я оказался чуть осведомлённее, чем остальные. Ещё на выезде из Красноярска один из служивых сказал, что забирать будут всё. Видать, во время службы это была его большая история.

Итак, по рекомендации бывалого свой телефон я спрятал между своих булок еще в ночь нашего приезда. В шеренге сорок человек. У всех забирают личные вещи. Но среди них есть один парнишка, у которого осталась Моторола.

Чтобы выжить там, где я был, нужны были деньги. У кого-то их было много, а у кого-то не имелось совсем, типа меня. Но у меня, у единственного в роте, был телефон. Немного поразмыслив, я замутил самый что ни на есть бизнес. Я продавал минуты звонков домой тем ребятам, у кого деньги остались, но неоткуда было позвонить.

Уже в течение пяти дней вся рота смогла поговорить с родителями и любимыми девчонками. Я же на своей заднице в лесу, в замкнутом пространстве скромно зарабатывал больше ста тысяч рублей. И это было только начало.

Я наладил отношения с нашими офицерами и смог договориться с некоторыми, чтобы они организовали для меня подпольную поставку сотовых телефонов. Ставки росли. Тот самый телефон, спрятанный между булок, был продан старшему призыву с наценкой в тысячу процентов. Motorola C350 ушла с молотка за 50 тысяч рублей. Конечно же, в комплекте прилагалась бизнес-модель.

На весь вырученный капитал мной было закуплено более ста телефонов плюс допуск к сим-картам, которые у нас конфисковали. Теперь уже вся часть получала от меня бесперебойный трафик мобильных устройств, чтобы позвонить родным. Лучшая постель с видом на аквариум, лучшая еда и уважение для меня были обеспечены.

История с телефонами стала большим началом осознания, что такое предприниматель. Что на тебе ответственность, даже если ты в лесу. И даже если у тебя забрали все ресурсы, твой интеллект, харизма и креативность останутся всегда с тобой навсегда. И уже от них зависит в каком положении будешь ты и люди вокруг тебя.

Ведь, по большому счету, это обычная смешная история, в которой один парень выкрутился так, что вся часть позвонила домой матерям. Но, с другой стороны, возможно, это даже кого-то спасло. Я помню глаза пацанов полные слез. Взрослые, здоровые детины просто плачут, потому что не могут позвонить маме и услышать ее голос. И тут на помощь прихожу я с маленьким телефоном и небольшой комиссией за этот звонок. Ты спросишь: откуда у них были деньги? В основном ребята, с которыми я служил, были из Москвы и из Питера. Ну а как пронести наличку в тубике от пасты или трусах – простейшая задача.

Два часа ночи. Из дома раздался звонок. Вспоминая эти истории, до сих пор в горле встает ком. Переживать их в тех моментах было в разы сложнее. Этот короткий разговор в корне поменял мою жизнь. Мама сказала, что их с братом выселяют из коммуналки, в которой мы жили.

Там на расстоянии любая новость, связанная с близкими, переносится невыносимо тяжело. Гораздо сложнее, чем какая бы ни было страшная ситуация, когда ты находишься рядом. В зоне, где реально что-то решить или хотя бы просто морально поддержать. Но, когда ты сидишь в лесу и совсем ничего не можешь поделать, потихоньку начинаешь сходить с ума.

Было непросто маме и брату определиться, что делать дальше, потому что я, как старший сын, рядом не находился. Разговор закончился. А с утра на моем теле появилась кровавая татуировка, набитая искусственно сделанной машинкой, каким-то из наших ребят. Ручка, внутрь нее вставляется ржавая струна, которую нужно хорошо подпалить зажигалкой. Берется гелевая черная паста и бьется татуировка.

Тогда для меня появилась единственная цель, к которой я хотел прийти: я должен подняться сам и должен поднять семью. Несмотря ни на что, бедность окружала нас со всех сторон. При всех усилиях и стараниях мы, как белки, крутились в одном и том же колесе.

В набитом знаке был зашифрован смысл – добиться цели. Я понимал, что если в этой жизни ничего не изменю, то слезы моей мамы, моя жизнь, жизнь моего брата будут моим большим провалом.

Мы все живем ради того, чтобы к чему-то идти, и каждый на своем поприще. Гитарист хочет еще лучше играть на своем инструменте. Пианист – стать великим музыкантом. Даже асфальтоукладчик, который любит свою работу, знает, что, хорошо разمهивая битум, каждый раз улучшает свой навык. Так или иначе мы ставим себе цели для того, чтобы расти и развиваться. Таков наш геном. Так мы устроены.

Бывает же такое: ночью ты уснул, горя своей целью, а утром она будто бы немножко поутихла. Адреналин и энергия упали за несколько часов сна. Я решил, что лучшее место, где я могу забить татуировку станет левая грудь. Чтобы каждое утро, заходя в ванную и умываясь, я чистил зубы и видел ее. Чтобы она напоминала мне о том, что нельзя сдаваться, я должен идти вперед.

В общем, первый звонок от мамы оказался первым колокольчиком осознания себя беспомощным.

Через два дня раздался второй звонок от моей девушки. На том конце провода я услышал: «Стас, прости, но мы больше не можем быть вместе». Об этом столько анекдотов и историй рассказано, что не дождалась из армии и все в этом духе. Но пережить это состояние пацану в 18 лет тяжело настолько, что тебя разрывает изнутри. Это твоя первая любовь, единственная поддержка, не считая родителей.

Я хранил ее фотографию – маленькая карточка, которая реально спасала. Меня хорошо поймут те, кто служил или кто сидел в тюрьме. Когда ты находишься, так или иначе, взаперти и не имеешь возможности сесть в самолет или поезд и приехать. Тогда эти воспоминания были как глоток воды в пустыне.

Когда фото, которое так тебя спасало, превращается в десятки мелко разорванных кусочков, это наихудшее чувство. Еще по возвращении с армии я находился в состоянии брошенного. Время лечит, но очень долго. В моем случае я не мог отойти еще года два.

Это сейчас я понимаю, насколько счастливый человек, что испытал эти эмоции брошенного солдата. Это круто пережить такое прекрасное чувство. Прекрасное, но очень болезненное.

И вот один за одним я получал такие звонки с гражданки. Но так или иначе, они делали меня закаленным, я формировал характер.

Опять же, моя харизма на пару с мозгом позволили мне с самых первых дней службы влиться в правильную струю. Я был очень активным молодым человеком. Так получилось, что один из капитанов назначил меня командиром отделения роты связи. Теперь я был связистом, как и мои бабушка с дедушкой. Кстати говоря, как и мой папа Леша.

Служба на самом деле протекала круто. У нас в части не было жесткого устава или дедовщины. Но «дедушки», конечно же, старались ездить по нам с особым изыском. Были истории, когда один парень ложился на кровать, а другой вставал на дужки этой кровати. Все было хорошо, ничего особенного. Только у того, кто снизу, в руках нож, и если тот, кто сверху, падает, то прямо на него. Как служили? Да нормально. Было правда весело. Без палева жарили шашлыки, пили водку, вспоминали гражданку.

Было у меня тогда две мечты. Я не знаю, насколько ты, как читатель, вообще готов принять такую информацию. Но я не могу с тобой ей не поделиться. Первая – научиться играть на гитаре. Да, сейчас я умею это делать. Вторая – переспать с девушкой. И так-то ничего необычного. Но имелся один маленький нюанс: помимо белок в лесу никого не было. Ну и баба Нюра в подсобке, но, извините, эта цель бы не засчиталась.

Как обычно бывает, если ты чего-то сильно хочешь, космос приходит тебе на помощь. Это случилось примерно на восьмом месяце службы. В каждой компании есть такой друг – шнырь, который может достать все что угодно и найти кого угодно. У нас тоже такой был – Олег.

Он подходит ко мне и говорит:

– Братан, есть тема. Девочку хочешь?

– Хочу. Реально? – Я загорелся.

– Да. Только надо килограмм апельсинов, – говорил он максимально тихо, чтоб никто не услышал.

– Девка за килограмм апельсинов?!

– Ага.

– Огонь. Я в деле, – я чуть из штанов не выпрыгнул в тот момент.

Намутил килограмм апельсинов. Часов в одиннадцать вечера уже после поверки и отправления всей роты на сон, наш прапор напился в хлам и по традиции пошел спать. У него велосипед Урал. Знаешь такой? Там большая рама, на которой можно сидеть, а еще сзади багажник.

Ближе к полуночи мы двинулись в путь. Олег взял с собой фонарь, я – килограмм апельсинов. Мы тогда уже были почти «дедушками», поэтому спокойно проехали через дневальных. Нас уже ничто не могло остановить.

До этого случая мы ни разу не ходили в «увал». Да и идти-то было некуда. До ближайшего города 200 километров.

В общем, я сел на раму, Олег – на сидушку, фонарь в зубы, апельсины у меня подмышкой. И помчали мы в ночь по тропинке через лес.

Доехали до какой-то санчасти, где вокруг стояло три двухэтажных домика.

– Готов? – спрашивает Олег.

Штаны нагладил, сапоги натер, апельсины достал, первое свидание за восемь месяцев, как никак.

– Конечно готов, – отвечаю.

Олег стучит, открывает дверь очень красивая дама за тридцать. Учитывая, что я живу женщину не видел чуть меньше года, смотрю и понимаю, что попал в рай. Но. Эту прекрасную мадмуазель мой товарищ берет под руку и уводит. А мне говорит с апельсинами пройти дальше в зал. Я иду, озираюсь по сторонам и вижу на диване лежит... Как бы так сказать, чтобы никого не обидеть... В общем, леди очень больших размеров. Больших настолько, что диван, по моим воспоминаниям, с ней сливался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.